

Литература

1. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: учеб. пособие для студентов вузов. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1997. 152 с.
2. Скворцов Л.И. Вопросы терминологии и терминотворчества в эпоху НТР // Терминология и культура речи: сб. науч. стат. / отв. ред. Л.И. Скворцов. М.: Наука, 1981. С. 5–28.
3. Borch H., Weissmann H. Erfolgsgeschichte IT-Berufe // Berufsbildung in Wissenschaft und Praxis, 29. Jahrgang, Heft 6, S. 9–12.
4. Krewerth A., Tschöpe T., Ulrich J.G., Witzki A. Berufsbezeichnungen und ihr Einfluss auf die Berufswahl von Jugendlichen: Theoretische Überlegungen und empirische Ergebnisse. Bielefeldt: W.Bertelsmann Verlag, 2004. 148 S.
5. Poddey A. Entwicklung eines Fragebogens zur Erfassung des Einflusses von Berufsbezeichnungen auf die berufliche Orientierung von jungen Frauen und Männern. Bonn: Universitätsverlag, 2003. 68 S.

Л. А. Мулляр

г. Пятигорск, Ставропольский край

ОБРАЗ-КОНЦЕПТ «РЕМЕСЛЕННИК» В ФОЛЬКЛОРНОМ ЭПОСЕ

Социокультурная реальность традиционно формируется и, главное, мыслится как приоритетно мужское пространство. Мужские сообщества и мужские ценности оказывают определяющее влияние на развитие всего социума: мужчина есть «совершенная активность» (Вейнингер), «существо ясных линий» (Ортега-и-Гассет). Содержащиеся в мифоэпических и фольклорных структурах культуры комплексы хозяйственно-трудовых стереотипов правомерно рассматривать как ментально-ценностные и культурологические основания производственной доминации мужчины – «творческий порыв, акт вдохновения и воли» (Хамитов) – в системе экономики. Главная фигура в мифе/сказке – Герой, который оказывается или становится делоустроителем человечества: культурный герой дарует людям артефакты; герой-демиург создает, творит артефакты; герой-странник путешествует в поисках артефактов. Фольклорно-эпическая вариация героя-демиурга как создателя репрезентирована именно образом-концептом Ремесленник: сказка конституциализирует и специфицирует подготовку и утверждение героя в роли ремесленника-демиурга и в мужском продуктивном поведении; проецирует мужское начало посредством демонстрации прецедентов производственной актантактивности фольклорных персонажей.

Фольклорная русская сказка в соответствии с отраслевым приоритетом сельского хозяйства в ходе социально-экономической эволюции России героизирует и идеализирует (повсеместно – главный герой сказки / «всенародный любимец») мужской сказочный персонаж, который воплощает и выполняет действия, предусматривающие непосредственный и, зачастую, стихийный контакт со стихийным же естественным пространством – отхожие зверобойные (лесные) и рыболовецкие (речные / морские) промыслы как присвоение себе готовых природных форм: мужчина-добытчик совершает «достижительные» поступки с непредсказуемым, не предполагаемым заранее результатом. В связи с данной ситуацией объективна и закономерна популярность таких персонажей отечественной сказки, как старик-крестьянин или Иван / Емеля – крестьянский сын: «Любимый герой народных сказок – Иванушка-Дурачок... создан крестьянской массой, живущей в полной и вечной зависимости от сил природы» [1]. Непредсказуемость как процесса, так и результативности основного мужского занятия – промыслового и земледельческого труда, породила отечественный стереотип мужского поведения как «рваного», некропотливого, неритмичного во всех видах и родах трудовой деятельности» [2].

Герой-демиург репрезентирует мужчину-творца, производителя-ремесленника, способного как к физически актанта-активной, так и к личностно актанта-активной деятельности. «Достижительная» активность связана с мастерством, созиданием, что способствует формализации в «мужском мировоззрении» чувства хозяина своих сущностных сил и ответственности за их воплощение. Поведенческая модальность успеха мужчины-демиурга распространяется, прежде всего, на ремесленно-производственную сферу: мужчина-ремесленник занят хозяйственно-трудовым освоением чуждого пространства, которое он делает своим, освоенным, дающим предсказуемый результат, прежде всего за счет приложенных собственных усилий, основополагающих умений «мужского» – рациональности в делустроении, осознанного производительного поведения, трудовой активности и ответственности. Проблема состоит в том, что персонажи, занятые ремесленно-промышленным делом, в отечественном фольклорном эпосе, скорее исключение, чем правило, но именно их актанта-активность – пример социального производственного успеха (Данила-мастер из «Уральских сказов» П. Бажова).

«Уральские сказы» семантически сопрягаются с «Нартским эпосом» кавказских народов, где нарты, помимо того, что они и труженики-

земледельцы, и культурные герои, и непобедимые воины, ещё и искусные ремесленники.

Путём рецепции поколениями эпических образов-концептов нартских богатырей сложился уникальный этноменталитет «кавказского культурного круга». Это своего рода неформальная конституция, свод правил кавказского месторазвития. Яркие образы нартов – Урызмека, Сосруко (Сослана) – непосредственная феноменализация эталонной модели мужского поведения у народов Северного Кавказа.

Нарты выступают как некий богатырский род/община патриархального и ратного характера, жившая в древние и славные времена. Всех героев нартского эпоса можно условно разделить на две категории: тех, кто добывает уже готовое (культурный герой Сосруко приносит нартам огонь), и тех, кто изготавливает культурные объекты (герой-демиург Тлепш). Общинная организация нартов в сказаниях выражена принадлежностью к трем родам, каждый из которых наделен особыми, характеризующими его чертами: богатство, ум, храбрость, что, в свою очередь, соответствует трем социальным функциям – хозяйственной, жреческой и военной. Хозяйственная жизнь нартов обнаруживается в общинно-коллективном производстве: нарты сообща занимаются земледелием, охотой и скотоводством. Раскрывая тайны природы, человек сам начинает создавать орудия труда, поэтому в Стране Нартов гордились не только своими храбрыми воинами или скотоводами, она так же была богата искусными ремесленниками-демиургами.

В сказаниях находит яркое отражение начало освоения металла: на заре эпохи металла типичный герой нартского эпоса – кузнец, а кузница – место формирования народного логоса, место, где завязываются новые социальные отношения. Итак, человек сам может изготовить новый предмет. Он совершает выбор путей деятельности. Это состояние проявления в дерзости по отношению к богам. Эпос пронизан верой в человека, в его возможности. Нарты-кузнецы делают такие орудия, как молот, наковальня, клещи. Нередко упоминаются медные мосты, железные ворота; куски железа и стали служат пищей великанов и даже некоторых новорожденных нартов. Кроме того, с началом обработки железа и в пантеоне горских богов появились боги, отвечающие за обработку металлов, хранители тайн кузнечного дела. И чем сильнее становилась власть железа в обществе, тем сильнее становилась роль бога кузнечного дела.

В нартском эпосе покровитель огня и кузнечного дела бог-кузнец Тлепш выступает как герой-демиург, который изготавливает для нартов различные орудия труда и оружие. Тлепш не живет среди богов, Тлепш живет среди нартов и выполняет основную функцию, заложенную в характеристику бога кузнечного дела и бога огня, которым он был до усиления влияния железа в горском сообществе. Этот показатель характерен для героя-демиурга, связанного с орудиями труда и огнем в различных этносах. Такая особенность прослеживается как в мифологии индоевропейских народов (славян, германцев), так и древних изобретателей железа – хатти, которые связаны в своих языковых истоках с северокавказскими этносами. Появление «железного» ремесла в горском сообществе сильно изменило взгляды горцев, их менталитет: железо стало фетишем, затем фетишем стали орудия труда и оружие, изготовленные из железа, а человек, занятый работой с железом, стал харизматичной личностью. Это говорит о том, что влияние железа в горском сообществе было достаточно высоким, ведь эпический персонаж был наделён именно «железными» характеристиками.

Очевидно, поэтому Э.Б. Тайлор идентифицирует Тлепша как покровителя кузнецов и ремесленников, изготавливавших металлические изделия, снабдивших крестьян плугом и мотыгой. И даже Сосруко, сочетающий черты богатыря и «культурного героя», добывающего огонь и культурные растения (как греческий Прометей), не просто рожден из камня, но тело его выковано из железа, закаленного в кузне Тлепша. Однозначно, что пара «камень-железо» в фольклорной картине мира соответствует природно-географическим и социально-экономическим условиям жизни нартов в Кавказских горах, равно как и определяет особый социальный характер и отраслевой приоритет индустрии для жителей вблизи Уральских гор. Вокруг камня и железа разворачивалась практически всё мирное бытие горцев, а также их военные занятия, когда оружие было основным аргументом при решении многих вопросов горской жизни. История созидания из камня может формально представляться воплощением технологии добычи и обработки железной руды на Урале.

Поиск способов осмысления социокультурных оснований ремесленных практик обуславливает исследование образно-концептуальных «социальных представлений» россиян об экономических приоритетах вообще, и о ремесленно-производительной деятельности, в частности. Анализ отечественного фольклора обнаруживает наличие в нём ценностно-оценочных «социальных представлений» о труде и возможностях достиже-

ния социально-материального благополучия. По нашему мнению, в российском фольклорном массиве сконцентрирован своеобразный социально-культурный опыт трудо-отношения, предполагающий первичность аграрно-промысловых социальных практик в ущерб ремесленно-индустриальной сфере.

Тем самым, отечественный фольклор отразил серьезную деформацию социально-онтологической «картинки» хозяйственно-экономического процесса, детерминированную исторически перманентным приоритетом сельскохозяйственного сектора экономики. Фольклорно-эпические семиологемы – социально-экономические образы-концепты (крестьянский сын Иван-дурак/Емеля) – глубоко укоренились в российском общественном сознании, став устойчивыми ментальными стереотипами и модальностями социального поведения. Роль последних в экономической перспективности российского государства весьма значительна, поскольку они мотивируют экономическое позиционирование индивида, удерживая его в унылой зависимости от производительной апатии и лени, и опосредуют особенности стратегии социально-экономического бытия российского социума. Формирование модальности, испытывающей потребность в экономической активности, созидательном ремесленно-индустриальном труде, происходит тогда, когда социальные условия позволяют и востребуют максимально самостоятельное и ответственное раскрытие потенций индивида в хозяйственно-трудовом процессе.

В связи с этим важнейшим мотиватором эффективного экономического функционирования общества считаем образ-концепт «Ремесленник», который предьявлен фольклором как образ-концепт делоустроителя (например, ремесленник-камнерез Данила-мастер, бог-кузнец Тлепш) – производителя/созидателя, ощущающего экономическую самодостаточность как специфическую способность воспринимать себя ответственным хозяйственно-экономическим инициатором. В российском менталитете отсутствует традиция увязывать личную ответственность за состояние дел в обществе с представлением о социальном благополучии и с эффективной самостоятельной актанта-активностью личности. И потому в отечественном фольклоре социально-экономическая ответственность, лежащая в основе гражданской позиции человека, представлена бедно как в образно-эмоциональном, так и в концептуальном аспектах. Между тем, не может быть социально-экономически и нравственно комфортным общество, не

пестующее социальную инициативность и ответственность как производительный императив социально-экономической активности личности.

Социокультурный материал, в том числе и смыслоинтенсивный фольклорный эпос народов России, примечателен возможностью проявления таких духовно-ценностных сентенций, которые представляют непреходящую значимость во все последующие периоды в качестве ментально прецедентного или экспликационного ресурса, в том числе и в качестве основания для возрождения ремесленничества как одной из важнейшей социальных практик.

Литература

1. Горький М. О дураках и прочем // Литературно-критические статьи. 1985. С. 154-155.
2. Шкаратан О. Карачаровский В. Русская трудовая и управленческая культура [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socio.ru>.

Н. А. Мухотина

г. Гжель, Московская область

ЛИЧНОСТЬ РЕМЕСЛЕННИКА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Народное искусство как духовное ядро традиционной культуры уходит своими корнями в глубокое прошлое, это обширное по содержанию явление, направленное на создание предметно-пространственной среды жизни человека. Оно возникло в условиях натурального хозяйства и в дальнейшем создавалось в среде крестьян-земледельцев, поэтому соответствовало образу жизни и мировоззрению конкретного социального слоя с приоритетом традиций. На протяжении столетий социокультурный опыт передавался от старших поколений к младшим и воспроизводился в их практике на более высоком уровне. В мировосприятии средневекового человека утвердилось представление не о линейном, но о циклическом времени, где прошлое, настоящее и будущее воспринимаются как некое неразрывное единство. Опыт жизни и авторитет прошлых поколений подсказывали правильное решение будущим, что составляло основу социализации.

Применительно к народной культуре можно говорить о сохранении традиций, обычаев, форм деятельности, неукоснительное следование которым определялось самим укладом жизни. Можно говорить о канониче-